

Иронический контекст диалога культур в антиутопических романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла

Долженко Светлана Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент

Корбан Павел Александрович, студент

Ишимский педагогический институт им. П. П. Ершова (филиал)

ФГБОУ ВО «Тюменский государственный университет»

В статье рассматривается понятие «диалог культур» и средства репрезентации данного понятия в английских антиутопических романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла; способы выра-

жения иронических контекстов в названных романах — антиутопиях; проводится лингвостилистический анализ данных романов.

Ключевые слова: антиутопический роман, репрезентация диалога культур, выражение иронических контекстов.

В наши дни диалог культур — очень масштабное и повседневное явление. Данное понятие существует уже давно и всегда проявлялось там, где разные народы вступали в контакт. В настоящий момент она исследуется различными учеными — философами, психологами, культурологами, педагогами. Однако диалог культур — это не только проблема различных областей социально-философского и психолого-педагогического знания. Уникальную возможность в этом отношении представляет собой творчество писателей, в котором в литературной форме выражен диалог различных культур.

Творчество британских писателей, работавших в жанре антиутопии, не раз становилось объектом внимания исследователей. Однако, никто из ученых (как лингвистов, так и литературоведов) никогда не затрагивал вопрос репрезентации диалога культур в их произведениях.

Менее изученным в рамках данной темы является стилистический аспект репрезентации «диалога культур» в антиутопических английских романах.

Окончательному утверждению феномена антиутопии в практике литературы способствовал мировоззренческий кризис на рубеже XIX—XX вв. Начиная с этого времени, художественный мир утопических произведений прошел ряд этапов. За этот период времени созданы сотни антиутопий — «хороших и плохих, написанных с гуманистических или, напротив, реакционных позиций, выражающих искреннюю озабоченность негативными тенденциями общественного развития либо рассчитанных на дешевую сенсацию» [4, с. 10]. Но среди них особым образом выделяются несколько произведений, оказавших большое влияние на формирование всей западной футурологической мысли. К их числу принадлежат романы Олдоса Хаксли «Дивный новый мир» (“Brave New World”) и Джорджа Оруэлла «1984».

В обоих произведениях во главу угла становится тотальная организация общества, которая «имеет следствием полнейшую унификацию людей в рамках каждого социального слоя.

Диалогизм романов-антиутопий основывается на так называемом «общении» между тоталитарной культурой и культурой, которая построена на аксиологической модели общества. Антиутопия переосмысливает тексты других жанров и создает специфическую, с использованием собственных символов и мотивов, пародию на родовую амбивалентность утопии.

Характерными чертами антиутопий в плане содержательной тематики являются следующие ориентиры:

- антиутопия представляет модель какого-либо государства, его политической структуры;

- антиутопия подвергает критике следующие закономерности развития общества: тоталитаризм, технократизм, утилитаризм (массовое потребление).

В любой антиутопии оценочно-пародийный смысл произведения конструируется языком. Исследуя пародию, В.И. Новиков также упоминает о соотношении трех языковых планов, что в полной мере также соотносится с языком антиутопического произведения: «Сквозь первый план текста просвечивает его второй план — текст произведения, которое излагается особым новым способом так, что серьезное становится смешным, «высокое — низким». Каждый элемент нового текста изображает какую-то черту текста, который становится объектом пародии. Тем самым создается третий план пародии, задающий интертекстуальную игру и обнаруживающий иронико-юмористическое мастерство ее автора» [3, с. 149].

В романе О. Хаксли “Brave New World” основой формой репрезентации иронии являются интертекстуальные элементы в виде цитат, аллюзий, реминисценций, эпитафов, имплицитные в культурных коннотациях слов.

Рассматривая иронию в качестве понятийной категории, основываясь на определении языка как «речевого мышления» (в терминологии С. Кацнельсона), антиутопию можно считать языковой формой выражения понятийной категории «ирония» на текстовом уровне.

В содержательном плане объектом иронии является личность во всех ее проявлениях и общество, индивидуальное и социальное во всех ипостасях. В романе дается карикатурное изображение социальных идеалов и догматического сознания в завуалированной форме.

Самым излюбленным приемом у Хаксли является аллюзия. С помощью аллюзий автор создает ироничную реальность невозможного, а также пародирует элементы реальности в мире невозможного.

Аллюзия на реально существующие предметы, личности, теории, географические и другие названия, улицы и здания Лондона помогают писателю воссоздать правдивость и законченность художественного повествования. Причем автор нередко прибегает и к историческим фактам, которые так же естественно вплетаются в фантастическое повествование, в борьбу между реальным и невозможным.

Идеи Хаксли развиваются по законам гротескного повествования и воплощаются посредством языкового выражения. Языковые средства, используемые автором, создают эффект ненормативности и абсурдизма, когда слова и словосочетания заключают в себе прямо противоположные по смыслу значения.

В романе-антиутопии О. Хаксли “Brave New World” использование синтаксических конструкций, сцеплений, повторов, всевозможного рода «рамок» (frames) — про-содических (рифмы, клише) и комментирующих (слова автора, вклинивающиеся в повествование) — организует стилистический контекст, необходимый для восприятия иронического смысла.

Хаксли, используя комментирующие реплики, указывает читателю направление смысла, подсказывает различные его оттенки, которые способствуют формированию иронического смысла: grotesque obscenity, for the moment, at any rate, in the Savage’s tremulous tone of anguish.

Было бы трудно представить себе технику будущего, если бы Хаксли воспользовался каким-то новым названием. Но когда известные лексемы используются в «новой упаковке», такие названия как: “taxicopter”, “vibro-vacuum massage machines”, “a Synthetic Music machine”, “Electro-magnetic Golf” на основе знания значений составляющих их компонентов моделируют представления об этих чудесах. Сочетая несовместимые по смыслу слова, автор создает абсурдный и алогичный смысл высказывания, показывая деградацию человеческого разума в условиях стандартной жизни и массового производства.

Итак, ирония в романе О. Хаксли “Brave New World” проявляется на всех структурных уровнях языка, обеспечивая содержательно-смысловой контекст произведения. Иронический подтекст романа О. Хаксли «Brave New World» может быть понят уже из названия: это название переводилось у нас и как «Прекрасный новый мир», и как «О дивный новый мир», между тем у слова “brave” есть и еще одно значение, которое, несомненно, имел в виду автор: “brave” — это еще и храбрый — качество, начисто отсутствующее в новом мире. Поэтому название произведения звучит саркастически.

В основе авторской интерпретации «дивного мира» лежит принцип игры. Обигрываются, как правило, понятия, описывающие научный и технический прогресс, культурные ценности, поведение и быт человека.

Антиутопия Оруэлла же является пародией на утопическую идеологию Сталина, диктаторство Гитлера, а «Новояз» можно рассматривать в качестве пародии на утопический проект универсального языка «эсперанто», как, впрочем, и иронического предсказания современных принципов языка «политической корректности».

У Оруэлла главной темой выступает тема страха перед гигантской тоталитарной системой, тема насилия, самообмана.

Идея страха доводится Оруэллом до гротескных пугающих форм. Вещи не называются своими именами. Лексико-грамматические конструкции подтверждают идею страха и нерешительности:

“The thing that he was about to do was too penadiary. This was not illegal (nothing was illegal, since there were no longer any laws), but if detected it was reasonably certain that it would be punished by death, or at least by twenty-five years in a forced-labor camp” [7, с. 9].

Градация при помощи литоты, повтора, гиперболы (изменение this на nothing) и развертывание парадокса (nothing was illegal, since there were no longer any laws) создают парадоксальный эффект следующего предложения, вводимого противительным союзом but. Ассоциативный потенциал слов detected, be punished by death or by twenty-five years in a forced-labor camp имплицитно содержит стереотипные представления о системе законов и видов наказания (смертная казнь / каторга). Утверждение в первом предложении об отсутствии законов создает эффект алогизма. Читатель вправе задаться вопросом: кто, как и за что выносит приговор и определяет меру наказания?

Во избежание мыслепреступлений надлежит искоренить сами понятия, которые будоражат сознание. С этой целью государство Океания разрабатывает «Новояз» — официальный язык, окончательный вариант которого будет утвержден к 2050 году.

Для лексики «новояза» характерна бинарность, т.е. конструирование новых слов по принципу «белое — черное», «хорошее — плохое», «новое — старое», причем сема «новое» становится синонимом «блага», а «старое» — синонимом «преступления». «Новоязу» противопоставляется «старояз»: “In Oldspeak (or Standard English) this might be rendered...”; благомыслию (goodthink) — «старомыслию» (oldthink): “She was — do you know the Newspeak word goodthinkful? Meaning naturally orthodox, incapable of thinking a bad thought?” [7, с. 166]

Поскольку основополагающим принципом «новояза» являются краткость, благозвучие, легкость артикуляции и однозначность, в нем чрезвычайно распространены сокращения и аббревиатуры. В них превращались названия политических организаций, учреждений, зданий, политических доктрин и т.д. Кроме того, насаждение в языке искусственно образованных сокращений и аббревиатур выполняло политические задачи, так как позволяло сузить и изменить первоначальное значение слова, обезопасив его от возможных нежелательных ассоциаций, оставив носителям языка сухой однозначный термин.

Иронический смысл имплицитно не только за счет столкновения двух противоречащих концептуальных систем, оригинального способа экспликации противоречащих смыслов, но и за счет выбора маркированных форм презентации слов, например: рах вместо rease, лув вместо love.

Отличительной чертой романа «1984» Оруэлла является парадоксальность, где «понятие парадокса опирается на теорию рассуждений, абсолютизирующую способность порождать логически связанные монологические тексты» [5, с. 78].

Таким образом, в романах-антиутопиях О. Хаксли и Дж. Оруэлла так или иначе присутствует тема «диалога культур», но преломляется она своеобразно — в рамках антонимии «культура — антикультура». Тем не менее, в рассмотренных нами произведениях отражается вос-

приятие писателями и их героями существующего в вымышленных государствах культурного и антикультурного пространства.

Исследовав языковой материал двух антиутопических произведений — романа О. Хаксли “Brave New World” и романа Дж. Оруэлла “1984”, — мы пришли к выводу,

что антиутопия представляет собой типичный образец абсурдных текстов со свойственной им семантической, синтаксической и структурной организацией языковых знаков и категорий, направленной на воплощение иронического смысла. Ирония в антиутопии создается за счет средств всех уровней языка.

Литература:

1. Долженко, С. Г., Корбан П. А. Репрезентация диалога культур в романах «О дивный новый мир» О. Хаксли и «1984» Дж. Оруэлла // Молодой ученый. 2015. № 9–1 (89). С.23–26.
2. Ланин, Б. А. Антиутопия // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А. Н. Николюкина — М.: НПҚ Интелвак РАН ИНИОН, 2001. — с. 38–39.
3. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. — М.: КомКнига, 2007. — 280
4. Шахназаров, Г. Х. Куда идет человечество / Г. Х. Шахназаров. — М.: Мысль, 1985. — 192 с.
5. Чамеев, А. А. На грани отчаяния и надежды (роман-дистопия Джорджа Оруэлла) / А. А. Чамеев. — СПб.: Con-vention Press, 1995. — с. 98–109.
6. Huxley, A. Brave New World / A. Huxley. — Lnd.: HarperPerennial, 1998. — 251 p.
7. Orwell, G. 1984 (с параллельным текстом) / G. Orwell. — М.: Прогресс, 1989. — 277 с.